

Равенна Ло

Восьмиконечная

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.4
ББК 84(2)6
Л68

Ло Р.

Восьмиконечная / Ло Р. — Москва: ЛитРес: Самиздат,
2021. — 346 с.

ISBN 978-5-532-96584-3

Элизабет Тейлор - молодой и перспективный репортер Таймс, помогающая в расследовании очередной запутанной загадки детективу полиции Портленда. На первый взгляд ее жизнь похожа на голливудскую киноленту - перспективная интересная работа, любящий муж. Но новое дело о загадочных убийствах переворачивает все ее мировоззрение, выворачивая наизнанку самые страшные и потаенные страхи. А тут еще и Маркус, представитель испанской делегации, ворвавшийся незванным гостем в ее жизнь и нагло посягающий на личное пространство. Мужчина, который скрывает темные тайны и плетет свои интриги. Как он связан с расследованием и смертями, случившимися в Орегоне? Дело, которое станет для Элизабет смыслом существования. Преступление, которое положит начало войне. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-96584-3

© Ло Р., текст, 2021
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Содержание

I	4
Сегодня	4
15 июня, тремя месяцами ранее	6
16 июня	39
17 июня	47
18 июня	65
19 июня	83
20 июня	91
21 июня	117
II	124
24 июня	124
25 июня	134
26 июня	175
7 июля	195
8 июля	221
15 июля	253
16 июля	291
III	310
5 сентября	310
12 сентября	329
17 сентября	335
21 сентября	340

Сегодня

Кажется, больше нет боли.

Тело онемело, я не могу пошевелить даже пальцами рук, да и не хочу. Наверное, так даже лучше, хотя какая-то часть моей души все же неумолимо просит бороться и держаться до последнего. Я чувствую, как лежу в луже теплой вязкой жидкости подо мной – интересно, как это выглядит со стороны? И почему в таком обшарпанном грязном мотеле такой красивый яркий потолок? Как бы я хотела вернуться назад в это жаркое лето, в тот день двадцатого июня, остановилась бы я? Лучше бы в нашу машину тем вечером въехал поезд, или упал самолет, или свалился метеорит. Все, что угодно, только не мое безрассудное решение забыться от своей боли, которое принесло мне только страдания. И почему в такой ситуации я думаю только об этом?

Я чувствую, как подступают слезы, свет от тусклой лампы начинает двоиться от застилающей мои глаза влаги.

Мне так жаль, что я все испортила. Что почувствует мой муж, когда полицейские расскажут ему о случившемся? Печаль, утрату или облегчение? Скорее разочарование. Ведь он всегда предполагал такой исход.

Бедная моя мама – надеюсь, она сможет это пережить, а мой отец, который кажется непреступной крепостью из чувств, на самом деле очень ранимый в душе человек. Только бы они смогли это пережить. Для них неважно кем я была и что сотворила – лишь бы я была жива и здорова. Что с ними станет, когда им скажут, что меня больше нет.

Сколько я уже лежу здесь – кажется, вечность? И почему я не подумала раньше о таких вещах? Пока ты жив – можно исправить все ошибки. Пока есть силы идти – можно разрешить любую ситуацию. Но когда ты лежишь на прогнившем полу номера в полузабытом мотеле на окраине города, истекая кровью без шанса на выжи-

вание – лишь только в такие моменты любая проблема и сложность, любое неверно принятое решение кажутся сущим пустяком и уже совсем не имеют значения.

15 июня, тремя месяцами ранее

Солнце слепит глаза и уже хочется проснуться, хотя будильник еще не прозвонил. Начало очередной рабочей недели. И только любимое время года спасает от периодически посещающей меня апатии. Это лето ворвалось в нашу жизнь не таким жарким и засушливым, как того хотелось бы. Но последние пару дней из-за жары и духоты люди валились с ног, машины вставали прямо на проспектах, закипая, а кондиционеры ломались от перегрузок. И, кажется, только я была рада этим редким жарким дням.

Я переворачиваю подушку прохладной стороной, засовываю под нее руку и растягиваюсь в постели на своей половине кровати, чтобы дотянуть до будильника. Тяжелая рука мужа сзади обхватывает мою талию под покрывалом, и он пододвигается к моей спине. Я слышу, как он сопит, уткнувшись носом в мои волосы, жар от его сонного тела заставляет мою кожу вспыхнуть. Хочу немного отодвинуться, но как только начинаю аккуратно перебираться на край кровати, он еще сильнее прижимается ко мне и забрасывает свою ногу на мое бедро, прижимаясь ко мне всем телом так, что я чувствую его утреннюю эрекцию. Я смотрю на луч солнца, пробивающийся через штору, не в силах даже пошевелинуться. Внутри все начинает кипеть, злость подступает к горлу – кажется, я сейчас сброшу части тела Нейтона с себя и хорошенько ему врежу. Но продолжаю лежать неподвижно, стараясь усмирить свой нарастающий гнев.

Когда я стала такой нервной? Почему я хочу наорать и прибить человека, которому поклялась в любви у алтаря полтора года назад. Закрываю глаза и дышу глубоко, считаю до десяти, чтобы успокоиться, повторяю попытку выбраться из цепких объятий мужа, пытаюсь не разбудить его, но все тщетно. Капля пота скатывается по лбу, а я скованная в его объятьях нахожусь, словно в пекле. Стиснула зубы, чтобы сдержаться, но гнев яростной волной накрывает меня до дрожи и вырывается наружу – я грубо сбрасываю с себя его ногу, оттолкнув своим бедром, отшвыриваю его руку со своей талии и вскакиваю с кровати. Нейтон в полудреме смотрит на меня непони-

мающим и мягким взглядом, в его заспанных глазах читается удивление и обескураженность.

– Малыш, что случилось? – он приподнимается на локтях, оглядывается по сторонам, будто пытается понять, что заставило меня так резко подскочить с постели и переводит взгляд на меня.

Я продолжаю стоять как вкопанная посреди комнаты, гнев испарился. Вижу его непонимающее озабоченное лицо и чувствую себя виноватой нервной дурой.

– От тебя просто так жарко стало, – мямлю в полголоса.

Его брови от изумления поднимаются вверх, а глаза ясно распахиваются.

– Малыш, я же хотел тебя просто обнять, я так тебя люблю, иди ко мне, пообнимаемся еще немножко, – Нейтон улыбается, раскрывает свои руки, приглашая жестом к себе.

– Ты слишком жаркий, я от тебя вся мокрая, – отнекиваюсь я, убирая со своей потной шеи прилипшие длинные волосы, и семеню в ванную. – Да и на работу уже пора собираться, все равно скоро прозвенит будильник.

– Мм, мокрая? От меня? – доносится игривый голос мужа из спальни.

– Не в этом смысле! – рывкаю грубо в ответ и прикусываю зубную щетку, чтобы не выпалить следом какую-нибудь задевающую обидную фразу.

Почему вечно все нужно опопшлять?! Как же это бесит! Секунду назад я чувствовала себя такой виноватой, и вот он снова ляпнул что-то дебильное, и я хочу ему вмазать или наорать на него.

Смотрю на свое отражение в зеркале ванной комнаты и не понимаю – почему я чувствую такой холод к человеку, которого люблю. Почему все его слова, действия и повадки так раздражают. Он часто так делает по утрам – прижимает к себе, обнимает, целует, потом начинает приставать, прогоняя остатки сна. И я всегда любила это.

Но сейчас я чувствую только отторжение. Будто огромная стена между нами, будто он чужой человек, хотя знаю, что он безумно любит меня, он делает для меня все, что в его силах. Он по-преж-

нему с трепетом прикасается ко мне, и я вижу, как его переполняет счастье, когда я рядом.

Мысли о том, что Нейт любит меня – очень греют, смягчают мое сердце, и я невольно улыбаюсь. Я тоже люблю его, но иначе. Он очень дорог для меня, я ценю все, что он делает, как старается построить для нас лучшую жизнь. В день нашей свадьбы я чувствовала, что он мой воздух. Я держала его за руку, и мне было так хорошо, что хотелось в нем раствориться, рассеяться тысячей звезд внутри него. Я просто смотрела в его глаза, и он улыбался мне.

– Я так сильно люблю тебя, малышка, – слышала я его шепот, и он сильнее сжимал мою ладонь в своей руке под столом, пока гости как обезумевшие смеялись над шуткой его друга, говорящего речь на нашем торжестве.

Щемит сердце, когда я понимаю какой бесчувственной и холодной стала. Чувство, будто предаю его, но ничего не могу с собой поделать, не знаю, как изменить себя – ведь он это он. Он прежний, это со мной что-то не так. Я чаще думаю о том, что я буду делать, если мы разойдемся, как я построю свою жизнь. Но ведь, когда счастлив, не должно возникать таких мыслей?

Мы не ругаемся, все мои попытки и старания разжечь скандал и ссору из-за какого-нибудь очередного пустяка или мелочи – он встречает с улыбкой и молчанием. Он всегда так уступчив, но я не чувствую его мямлей или слабаком, наоборот, я восхищаюсь его умением сдержаться на очередную мою колкость и просто выполнить то, что я прошу. Если бы я жила с такой истеричкой – я бы уже выкинула все ее вещи во двор или на худой конец прибила.

Мое отражение в зеркале выглядит таким безжизненным, глаза больше не сияют, уголки губ опущены, кожа стала тусклой и я хочу исчезнуть, закрыв глаза.

– Что делаешь? – голос Нейтона вырывает меня из потока мыслей, я открываю глаза и вижу его в дверном проеме. Он улыбается и сонными медленными движениями почесывает свой затылок.

Меня охватывает беспокойство, потому что я знаю, что когда буду проходить мимо – он начнет приставать и заигрывать, а я не хочу

этого. Не хочу ему снова отказывать, у меня больше нет причин, которые я могу придумать, чтобы отказать ему.

– Собираюсь на работу, конечно же, ты пришел купаться? – пытаюсь сменить тему и отвлечь его, иду к выходу, чтобы быстро проشمыгнуть мимо.

– Ну, конечно, – улыбается Нейтон, хватая меня за талию на выходе из комнаты и нежно прижимая к дверному косяку, – хочешь со мной?

Я вижу, как горят его глаза, он наклоняется, чтобы поцеловать меня в шею, и я чувствую его обжигающее дыхание на коже, упираюсь руками в его грудь и слегка отталкиваю.

– Эй, Дон Жуан, мы так опоздаем на работу, – я выскальзываю из объятий и направляюсь к кухне.

Нейтон надувает губы с улыбкой, показывая поддельную обиду, – фу, вредина, – а затем закрывает дверь ванной, и в душе начинает журчать вода.

Уже через полчаса он заходит в кухню, на нем брюки и рубашка, слегка обтягивающая его маленький животик, который начал появляться спустя два года нашей совместной жизни. На душе становится тепло от его вида семьянина. Я улавливаю запах его парфюма и невольно улыбаюсь.

– Что? – спрашивает он, садясь за стол.

– Что? – эхом отвечаю я, делая вид, что не понимаю о чем он. – Омлет будешь?

– Конечно, а тосты сделаешь?

– Уже сделала.

– Моя малышка, – улыбается Нейт и начинает уплетать завтрак.

Сажусь за стол с чувством выполненного долга – я как всегда угадала все пожелания мужа и осуществила их до того, как он их озвучит. Конечно, ведь я знаю его, как саму себя. Снова невольно улыбаюсь и чувствую тепло в груди.

Телефон начал разрываться еще, когда я выходила из дома. Я побежала принимать душ, когда Нейтон поехал на работу и, конечно же, теперь опаздываю сама. Свирепо ищу одной рукой орущий теле-

фон в сумке на сиденье рядом, а второй держу руль и пытаюсь хоть немного не отвлекаться от дороги.

– Джер, я знаю, знаю, я опаздываю, прости, я буду через пятнадцать минут, – начинаю сходу оправдываться, отвечая на звонок шефа.

– Лиз, ты издеваешься? Я же просил, просил тебя приехать сегодня даже чуть раньше, ты не можешь опоздать, ты должна встречать делегацию испанского медиа-холдинга. Это важно, господа, Лиз. Ты хочешь моего распытия?

– Джер, я буду, слышишь, доверься мне, все пройдет на высшем уровне, обещаю, – бросаю я и кладу трубку, не дослушав крики разъяренного и отчаявшегося босса.

Нужно просто объехать чертову пробку. И как знак свыше – вижу переулок, по которому в прошлом году здесь же объезжала ремонт дороги, заворачиваю туда и давлю педаль газа.

Семь минут. Ровно семь минут заняла моя дорога до офиса и, кажется, я поймала все существующие камеры скоростного режима, которые попадались на пути. Бросаю машину в непопуганном месте, сегодня ее точно отправят на штрафстоянку, и влетаю в здание.

– Воу, Лизи, ты куда, – останавливает меня Стэн в холле офиса на проходной, – ты знаешь, правила для всех одинаковые, где твой пропуск?

– Стэн, делегация здесь? – спрашиваю охранника, копаясь в сумке в поисках пропуска.

– Лизи, милая, – он берет меня за локоть и добродушно смотрит прямо в глаза, я замираю, – не волнуйся, ты справишься с этим лучше всех. Они еще не здесь, мне доложат об их прибытии, у тебя есть целых десять минут, чтобы хотя бы причесаться.

Добродушная улыбка старика помогает успокоиться и наконец-то сделать вдох полной грудью.

– Стэн, – я расплываюсь в самой искренней улыбке, но дальнейшие слова бессмысленны, потому что он и так понял, как я ему благодарна. Я прикладываю найденный пропуск к монитору проходной и мчусь в кабинет шефа, где хранится мой запасной костюм.